

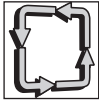


Абстракция именованная: нет, индивидуальных объектов не существует!

И.Т. КАСАВИН

Один из выводов Александра Леонидовича, насколько я его понял, состоит в сильном сомнении по поводу отрыва семантики от прагматики при всей их относительной самостоятельности. «Кто говорит?» (Ф. Ницше), а также вообще в каком совокупном контексте (условиях использования знака) происходит речевой акт – вопросы, которые чрезвычайно важны для словесного обозначения объекта и понимания значения этого слова.

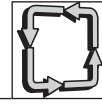
В связи с этим примечательна реплика предыдущего комментатора, Андрея Веретенникова, который сказал об общепринятой в аналитической философии необходимости разграничения семантики и прагматики. Первая-де занимается проблемами обозначения, а вторая – вопросами использования обозначений, лексических единиц. Не помню, к сожалению, кто из знаменитых философов приводил такой пример, и прошу прощения за неточность. Для иллюстрации отличия обозначения от использования была взята фраза, вводящая обозначение: «Это кошка». Фраза «У кошки есть когти» показывала, как можно использовать слово «кошка». Обозначение, таким образом, первично, использование – вторично. Но позвольте! Назвав незнакомого зверя кошкой, мы не делаем обозначение понятным, т.е. эффективно применимым для того, кто не знает отличия кошки от кролика. И напротив, указав на когти как отличие кошки от кролика, мы как раз и осуществляем более точное и понятное обозначение. Например, покупая на рынке освежеванную тушку кролика, хозяйка будет внимательно осматривать его лапки, которые продавец специально оставляет в первозданном виде: на них не должно быть когтей! В этом смысле приходится вспомнить о Л. Витгенштейне, специально настаивавшем на том, что значение слова формируется в процессе



его использования. Обозначение и значение не совсем одно и то же. Однако и слово «кошка», если мы хотим, чтобы оно имело значение, т.е. более или менее однозначно обозначало некоторый объект, должно вводиться не путем произвольного именованного произвольного объекта, но через дескриптивное определение, использующее его отличительные признаки. Например: «“Кошкой” называется небольшое домашнее животное с мягкой шерстью, втягивающимися когтями, характерным мяуканьем, обожающее валерианку и охотящееся на мышей». Обозначения или именованья, которые немедленно после своего введения имеют шанс начать более или менее успешно функционировать в языке, должны быть не именами, а дескрипциями. Отсюда и нераздельность семантики и прагматики в акте обозначения.

Косвенным аргументом в пользу того же тезиса может послужить аналогия между философией языка и философией науки. В последней долгое время придерживались жесткого разграничения контекста открытия и контекста обоснования (Х. Райхенбах и др.). Первый-де относится к психологии познания, неточной эмпирической науке, и здесь рассуждения носят маловероятный и даже метафорический характер. Что уж там определенного можно сказать об истоках научной идеи? Прямо по А. Ахматовой – «Когда б мы знали, из какого сора...» Иное дело – контекст обоснования. Здесь простор для настоящей логики, хоть индуктивной, хоть дедуктивной, которая призвана реконструировать связь теории (гипотезы) и фактов. Однако постпозитивистская философия науки отказалась от противопоставления этих двух контекстов, показав, что процесс открытия включает в себя формы обоснования, а обоснование есть своеобразная форма открытия. Мне представляется, что жесткое разграничение семантики (области исследования знаков, их значений и смыслов, даже формализуемой) и прагматики (предметом которой являются способы использования знаков, едва ли допускающие формализацию) напоминает противопоставление обоснования и открытия. Полагаю, что будущее доказательство неформализуемости прагматики выявит и весьма ограниченную применимость логической семантики (как раздела логики) для анализа естественных языков.

Подзаголовок обсуждаемого доклада «Существует ли Петр Куслий?» требует перехода от анализа имен к именам собственным. Вероятно, докладчик имеет в виду не эмпирическое существование нашего коллеги, которое мы, как и всякие обычные, нормальные люди, не подвергаем сомнению. Однако проблема кроется в том, что философия не занимается проблемами эмпирического существования; «существовать» для нее не значит «быть материальным объектом в рамках пространственно-временных координат». Речь шла о том, как это существование можно «выразить в логике понятий», если использовать выражение классика. Самождественное существование тем более принадлежит к сфере идеально-теоретического, а не эмпириче-

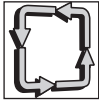


АБСТРАКЦИЯ ИМЕНОВАНИЯ

ски данного, ибо задается конструктивно, через обоснование необходимости объекта. Существуют в подлинном смысле лишь денотаты общих терминов, эмпирические же объекты только «встречаются», «обнаруживаются», «случаются» (от «случайность») или «оказываются» (от «оказия»). Наиболее ясно, по-видимому, различие между этими двумя модусами передают английские слова «to exist» и «to happen». И в этом непреходящая истина философии Платона.

Александр Леонидовичу в докладе удалось прозрачно намекнуть на связь между семантическим тождеством объектов имен собственных (взаимозаменяемостью), единством Я в философии сознания и проблемой самоидентичности личности в социальной философии. Это сразу внесло философский смысл в семантические рассуждения. «Петр Куслий» как объект имени собственного «Петр Куслий» обнаружил свою неопределенность, связанную с многообразием социальных ролей индивида, этапами его онтогенеза, историями его жизни. Ведь что получается? Желая уточнить образ Петра, мы рассматриваем его во всем многообразии ситуаций, с точки зрения его коммуникативных партнеров и его собственных самооценок и получаем весьма богатую картину. Казалось бы, она позволяет нам выявить индивидуальность объекта, его отличие от других аналогично эффекту умножения видовых отличий в родовидовом определении (именно такое мнение высказал в дискуссии Александр Антоновский). Однако мне пришла в голову несколько иная мысль. Умножая наши знания о Петре, мы одновременно умножаем количество цепочек семейных сходств, в которые тем самым включается наш объект. И в таком случае он начинает во многих своих свойствах напоминать бесчисленный ряд иных объектов, в том числе и достаточно отличных от него. Вилка подобна ножу – оба металлические и острые; нож подобен зонтику – оба с ручкой; зонтик напоминает парашют... Петр приобретает свойства сына, мужа, коллеги, научного работника, преподавателя, мужчины и т.д., пересекаясь по ряду параметров с другими сыновьями, мужьями, коллегами и т.п. Пролиферация сходств превращает эмпирического индивида – Петра – в человека вообще, в абстракцию человека. Таков результат «бесконечного регресса обозначений». Что же означает эта «смерть Индивида» и каковы ее последствия?

Я недаром в свое время написал о самом Александре Леонидовиче статью под названием «Всегда иной и прежний». Философ – это неуловимый Протей, который и других делает такими же неуловимыми. Впрочем, тем самым он только теоретически обосновывает ту самую обреченность человека на свободу, о которой так замечательно афористично пишет Рэй Брэдбери в своем рассказе «Нечто необозначенное» (обратите внимание на оригинальное название – «Referent», 1948). Его нужно включить в обязательный список литературы по логической и лингвистической семантике.



Итак, Брэдбери в конце 1940-х гг. пишет о далеком будущем – годе 1997. К тому времени на Земле реализовала себя мрачная тоталитарно-технократическая утопия, выраженная среди прочего в том, как обращаются с детьми. Их с детства отлучают от родителей, воспитывают в интернатах, напоминающих комфортабельные фабрики людей, и жестко контролируют на предмет избытка эмоциональности, фантазии, свободы мысли. А дабы держать в узде детское воображение и бритвой Оккама отсекают избыточные сущности, учителя используют такую формулу: «Семантически это всего лишь название, слово, которому в действительности ничего не соответствует, смотри учебник семантики, часть седьмая, страница четыреста восемнадцатая, “Означающие и означаемые”».

И вот, прогуливаясь в Час размышлений по своему интернату – «Острову духовной ортопедии», девятилетний Роби Моррисон сталкивается со звездным пришельцем, выходящим из космической ракеты. Это не человек, а некоторая «свободная сущность», путешествующая по Вселенной и обретающая конкретную форму лишь тогда, когда ей встречается наблюдатель, собеседник, способный о ней помыслить или как-то ее обозначить. Но когда Роби начинает при виде этой сущности думать о сказочных персонажах, игрушках, своей матери, то это никакого удовольствия пришельцу не доставляет – ведь он попадает в плен обозначений. Возмущению его нет предела: «Форму всем вам здесь, на этой планете, придала мысль! Вы подчиняетесь диктату обозначений. Но я, я нечто необозначенное, и никаких названий мне не нужно!... Мысль, столетия работая над атомами, вылепила ваш теперешний облик; сумей ты подорвать и разрушить слепую веру в него, веру твоих друзей, учителей и родителей, ты тоже мог бы менять свое обличье, стал бы необозначенным, свободной сущностью, вроде Человечности, Времени, Пространства или Справедливости!»

Для Роби эта встреча с пришельцем оказывается освобождающим импульсом. Он не только окончательно уверяется в пустоте навязываемых ему аналитически-семантических догм. Воодушевленный, он прыгает в ракету и улетает из опустылевшего интерната, а в прошлом свободная сущность обретает образ сбежавшего Роби, попадая в руки пораженных учителей. Они уверены в том, что ребенка, грозящего небу кулачком и кричащего: «Не называйте меня никак! Я не Роби, а свободная сущность! Я нечто необозначенное!» постигло тяжелое психическое расстройство.

Любители семантики, постулируя произвольность именованности и требуя одновременно самотождественности индивидуального объекта как материального референта имени собственного, пытаются соединить несоединимое. Во-первых, эмпирические объекты подвижны, текучи, зависимы от изменений внешней среды и внутренней динамики, и потому их фиксация в именовании есть процедура,



которую можно назвать «абстракцией именованя». Один из возможных способов осуществления такой абстракции – дескриптивное определение, которое призвано указать на значимые в данном контексте свойства объекта, что налагает на именоване ограничения и лишает его произвольности. Результат этой процедуры – абстракция, обозначаемая именем класса. Во-вторых, если мы все же и в самом деле попытаемся произвольно навешивать имена на эмпирические объекты, не зная их свойств, то эти имена опять-таки будут обозначать классы, цепочки семейных сходств всех подобных (на первый взгляд) объектов, т.е. будут не именами собственными, а общими терминами.

Итак, на вопрос докладчика «Существует ли Петр Куслий?» мой ответ будет таков. Да, «оно» существует, если и только если мы говорим об имени собственном и заключим его в кавычки. И одновременно Петр Куслий не существует в качестве подлинного объекта этого имени собственного, если объекту приписываются свойства эмпирически-материального существования. Впрочем, трудность этого рода могла бы быть снята, если решиться на маленькую революцию в семантике и между объектом и именем собственным поставить... смысл. Однако это уже совершенно отдельная тема, выходящая далеко за пределы доклада.